

Ван Сяочунь с мужем вернулись из-за границы лишь под вечер, как раз накануне первого учебного дня Ли Чжи.

Супруги так и лучились хорошим настроением. Чжоу Баюй же, напротив, беспрестанно зевал и, едва переступив порог, сразу забился к себе в спальню. Однако поспать ему толком не дали: не прошло и получаса, как в дверь постучал дворецкий и сообщил, что господин Чжоу требует всех к столу.

— Да не хочу я, блядь, жрать! — Чжоу Баюй, которого вырвали из сладкого сна, взбесился не на шутку. Спросонья он принялся крушить всё под рукой с таким остервенением, что грохот долетел даже до комнаты Ли Чжи, жившего этажом выше. — Пошел вон!

— Старший молодой господин, пожалуйста, не усложняйте мне работу, — невозмутимо отозвался дворецкий.

Против отцовского авторитета не попрешь. Чжоу Баюя всё же выдворили из спальни, и он, злобно сопя, потащился вниз. Вскоре негромкий стук раздался уже у Ли Чжи.

— Молодой господин, ужин подан.

Чжоу Госюн отлично понимал, что мачеха со старшим сыном не ладят, и обычно старался держать их подальше друг от друга ради всеобщего спокойствия. Даже на курорте они отдыхали порознь: Баюй показался на глаза отцу лишь в первый день, после чего укатил развлекаться, и поди разбери, где его носило. И раз уж теперь глава семейства с такой торжественностью созвал всех за один стол, для этого определенно имелся веский повод.

Весь ужин Ли Чжи просидел как на иголках. К еде он почти не притронулся — лишь задумчиво покусывал кончик палочки и украдкой оглядывал присутствующих. Ван Сяочунь заметила его состояние. Мягко опустив ложку в пиалу, она спросила:

— Почему ты не ешь?

— Да я... пообедал поздно, — замялся он. — Пока не очень хочется.

На столе почему-то преобладали кисло-сладкие блюда. Ли Чжи к такой кухне относился прохладно — он с детства привык к соленой и острой пище. Мать прекрасно знала об этой его особенности, но сейчас предпочла промолчать. Она невозмутимо зачерпнула ложкой бульон.

Чжоу Госюн заботливо положил ей в тарелку кусочек нежной говядины и накрыл ее ладонь своей. Его голос звучал с непривычной, почти пугающей нежностью:

— Понимаю, что аппетита нет, но на одном бульоне долго не протянешь. Подумай о здоровье, силы ведь нужны.

Отчим всегда сдувал с нее пылинки и потакал любым капризам, но сейчас его забота перешла все мыслимые границы.

Чжоу Баюй при виде этой идиллии брезгливо поморщился. Стукнув палочками по столу, он рванулся было встать, но грозный окрик отца пригвоздил его к месту:

— А ну сидеть! Кто тебе разрешал вставать из-за стола? Сядь прямо! Старшие еще слова не сказали, а ты уже смеешь выходить. Где твои манеры, паршивец?!

— Госюн, ну не надо... — Ван Сяочунь мягко перехватила его ладонь.

Муж посмотрел на нее, ободряюще улыбнулся и, слегка сжав ее пальцы, прочистил горло. Его суровый взгляд поочередно остановился на каждом из сыновей.

— Слушайте меня внимательно. Скоро у вас родится брат или сестра. На этот период требую от вас примерного поведения. Никаких выходок и глупостей я не потерплю!

Ножки стула с душераздирающим скрежетом проехали по глянцевому мрамору плитки. Чжоу Баюй вскочил. Лицо его сделалось мертвенно-бледным, а пальцы сжались в кулаки с такой силой, что на коже проступили синеватые вены.

Он диким взглядом посмотрел на уставленный яствами стол, а затем перевел взор на мачеху. Ван Сяочунь сидела непривычно кроткая, бережно прижимая ладонь к низу живота. Сегодня она была без косметики, но естественная красота все равно поражала воображение.

— Баюй, ты кого больше хочешь — братика или сестренку? — тихо спросила она.

Баюй стиснул зубы так, что они заскрежетали. Вне себя от ярости, он схватил со стола фарфоровую пиалу и с размаху хлынул ею о пол. Осколки брызнули во все стороны. Парень резко развернулся и бросился вон из столовой. Ван Сяочунь испуганно охнула, и отчим тут же прижал ее к груди, нашептывая успокаивающие слова. Застывший неподалеку дворецкий лишь сухо хлопнул в ладоши, подзывая прислугу убрать беспорядок.

Всё случилось слишком быстро, дико и нелепо. Наверное, стоило испугаться или хотя бы изобразить удивление, но Ли Чжи продолжал сидеть неподвижно. Под бесконечный шепот отчима, баюкавшего перепуганную жену, он молча потянулся к общему блюду, подцепил кусочек рыбы и отправил его в рот.

"Так вот почему всё вокруг такое приторно-кислое", — отстраненно подумал он.

— Мама, — тихо позвал Ли Чжи. — И давно это?

Ван Сяочунь отстранилась от мужа и убрала ладонь. Только сейчас Ли Чжи обратил внимание на ее наряд — свободное шелковое платье, под мягкими складками которого угадывался едва заметный, слегка округлившийся живот.

— Пошел третий месяц, — ответила мать. — Сначала была сильная угроза, врачи пугали выкидышем. Я боялась сглазить, потому и помалкивала... К счастью, швейцарские специалисты помогли сохранить ребенка.

Она говорила негромко, чуть склонив голову, отчего темные пряди мягко очерчивали лицо. В этом летящем белоснежном шелке она казалась на удивление хрупкой, преисполненной мягкой материнской нежности. Ли Чжи видел это слишком отчетливо: она уже любила это дитя. Ван Сяочунь всем сердцем ждала его.

Да и почему бы нет? Момент идеальный — зачать ребенка на пике обожания Чжоу Госюна. Бизнес супруга процветал, а ее собственный путь к сияющим вершинам роскоши теперь был расчищен. Ван Сяочунь давно переросла статус смазливой хищницы с пустыми карманами и непомерными амбициями. Теперь она — почтенная госпожа Чжоу, перспективная предпринимательница Аделин.

Полтора десятка лет назад, нося под сердцем Ли Чжи, она скиталась по углам без гроша за душой. Теперь, забеременев вновь, она буквально купалась в золоте.

— Понятно... Третий месяц, — кивнул Ли Чжи.

Случись это хоть немного раньше или, напротив, позже — было бы не так больно. Но почему именно тогда? Ведь два месяца назад сам он переживал свои самые черные дни. Неужели в тот самый миг, пока он медленно тонул во тьме, его судьба уже была тайно решена за его спиной?

Ван Сяочунь и Чжоу Госюн уже увлеченно перебирали имена для будущего наследника. Служанка бесшумно меняла тарелки, а супруги сидели, склонив головы друг к другу, как самая настоящая, искренне любящая пара.

Сяочунь негромко назвала несколько вариантов, а муж ласково коснулся кончиками пальцев ее щеки:

— Над иероглифами еще надо подумать. Пожалуй, приглашу хорошего мастера из Гонконга, пусть составит для малыша карту судьбы.

"Мама, а почему меня так зовут?"

"Да ты родился в июле, пекло стояло страшное, а под окнами палаты без умолку трещали цикады. У меня от них голова раскалывалась. Подумала еще: точно цикада мелкая лезет. Ну и назвала тебя Ли Чжи".

Оказывается, судьбы людей разнятся с самого рождения.

Последние недели Ли Чжи задыхался в тисках кошмаров. Он не помнил, когда в последний раз спал без пробуждения. Дикая, свинцовая усталость высушила его изнутри — у него не осталось сил даже на зависть. Он медленно положил палочки на подставку и негромко позвал:

— Мама.

Ван Сяочунь прервала разговор с мужем и повернула к сыну удивленное лицо:

— Что такое?

Ли Чжи молчал. Эта затянувшаяся пауза явно вызвала нетерпение на лице матери, и она уже собиралась отвернуться, как вдруг он тихо произнес:

— Пусть будет девочка.

Ли Чжи опустил голову и слабо, едва заметно улыбнулся одними уголками губ:

— Не знаю, кого больше хочет брат, но... мне бы хотелось сестренку. Я бы очень хотел сестру.

Он отодвинул тарелку.

— Я наелся, пойду к себе.

Вспомнив, как отчим только что отчитывал Баюя за неуважение к старшим, Ли Чжи робко посмотрел на главу стола:

— Папа, можно мне идти?

Чжоу Госюн явно не ожидал, что мальчишка обратится к нему. Он неопределенно кивнул и скользнул по пасынку равнодушным взглядом:

— Сходил бы ты подстричься на днях. Оброс как чучело, смотреть тошно.

Ли Чжи тихо угукнул и поплелся прочь. Но едва он приблизился к дверям, как позади раздался голос матери:

— Сяо Чжи!

Он обернулся. Мать стояла у стола. Ли Чжи сегодня не надел очки, и с такого расстояния ее черты расплывались перед глазами. Ее голос долетал до него приглушенно, словно из другого мира:

— Как у тебя... как дела в школе? Всё в порядке?

— Да, всё отлично, — ответил Ли Чжи. Он спрятал руки за спину, нервно потирая большие пальцы, и слабо улыбнулся: — Наверное, всё хорошо.

Подъем на лифте занял от силы секунд десять, но Ли Чжи показалось, что за это время пролетела целая жизнь. Мысль, которую он так долго гнал от себя, наконец предстала перед ним во всей своей жестокой очевидности, и он больше не мог закрывать на нее глаза.

Ван Сяочунь в нем больше не нуждалась.

Ей больше не нужно было использовать сына в качестве разменной монеты, чтобы выгрызть себе место под солнцем. Она оказалась чертовски умна и получила всё, чего желала: безумную любовь богатого мужа, прочный статус в обществе. И это было лишь началом — впереди ее ждало еще большее величие.

Сколько времени прошло с тех пор, как они переехали к Чжоу? Всего ничего, но прежняя вульгарная, мещанская Ван Сяочунь испарилась без следа. Изменилась она, изменился мир вокруг нее. Не изменился только Ли Чжи.

Он так ничего и не получил.

Слезы брызнули из глаз сами собой. Ли Чжи осознал, что плачет, лишь когда горячая капля обожгла предплечье. Из свежего надреза на запястье заструился тонкий алый ручеек, смывая грязь.

Роскошь этой жизни оказалась лишь мышьяком, бережно завернутым в дорогую золотую фольгу.

Он насухо вытер лезвие канцелярского ножа, зажал рану, пока не остановилась кровь, и аккуратно обработал внутреннюю сторону руки йодным спреем. Пропитанные кровью салфетки исчезли в водовороте — быстро, отточенно, без единой заминки.

Эти манипуляции Ли Чжи проделывал уже сотни раз.

Прислонившись к раковине, он вгляделся в собственное отражение в зеркале. Серый, блеклый, забитый мальчишка.

Неудивительно, что его никто никогда не любил.

В начале каждого учебного семестра школа устраивала грандиозный приветственный банкет. На осенний торжественный прием Ли Чжи не пошел — просто пролежал в своей комнате в общеджитии, проспав без задних ног до самой темноты.

Но в этот раз Гун Цзе буквально приперла его к стене, заявив, что он обязан явиться.

— Да я даже вальс танцевать не умею, — отнекивался Ли Чжи. — А в светском этикете смыслю как свинья в апельсинах. Только позориться зря.

Гун Цзе лишь легкомысленно отмахнулась:

— Не умеешь танцевать — стой у фуршетного стола и жуй тарталетки! Боишься нарушить правила приличия — просто сиди в углу и помалкивай. Я сама тебя потом всему научу, но сегодня ты обязан прийти! Наш оркестр подготовил большую программу, мы весь семестр репетировали как проклятые. Ты просто должен на нас посмотреть!

Пришлось уступить под ее напором.

— Ладно, — вздохнул Ли Чжи. — Приду.

— Ес! — Гун Цзе от радости едва не повисла у него на шее. — Ты лучший! Я выбила для тебя место в самом первом ряду, прямо перед сценой!

Единственным музыкальным инструментом, который Ли Чжи держал в руках, была копеечная пластиковая блокфлейта на уроках музыки в начальной школе. Особым слухом он не отличался, да и в высоком искусстве классической музыки разбирался слабо. По-хорошему, такое козырное место в первом ряду следовало уступить истинному ценителю, а не тратить на него впустую. Но Ли Чжи, разумеется, не был настолько глуп и нетактичен, чтобы озвучить эти мысли и обидеть Гун Цзе.

— Спасибо, — тихо поблагодарил он. — Огромное спасибо.

Он немного помолчал, а затем добавил:

— И... спасибо, что считаешь меня своим другом.

Последние слова он пробормотал едва слышно. Гун Цзе уловила лишь невнятный шепот и

удивленно обернулась:

— А? Что ты сказал?

— Да ничего, — качнул головой Ли Чжи и ободряюще улыбнулся. — Обещаю слушать очень внимательно.

Когда они только переехали в особняк Чжоу, Ван Сяочунь заказала для сына дорогой индивидуальный костюм у портного. Надеть его так ни разу и не довелось, поэтому комплект сиротливо пылился в дальнем углу гардеробной. Ради этого вечера Ли Чжи достал его, аккуратно отгладил и примерил. Пиджак сел вполне сносно, а вот брюки, сшитые на его прежний рост, теперь едва доходили до лодыжек. Выглядело это довольно нелепо.

Но торжество должно было состояться уже на следующий день, времени на поиски замены не оставалось, так что пришлось довольствоваться тем, что есть. Ли Чжи успокаивал себя мыслью, что на такого незаметного человека никто и глядеть не станет, даже если он придет в обносках.

Однако реальность быстро развеяла его иллюзии.

Да, до него действительно никому не было дела. Вот только все остальные гости подготовились к празднику с безупречным шиком. Парни красовались модельными укладками и идеально подогнанными дизайнерскими смокингами, девушки как одна блистали дорогим макияжем и изысканными вечерними туалетами, превращавшими их в настоящих принцесс. И посреди этого великолепия плелся он — в нелепых подстреленных штанах, чувствуя себя жалким шутом.

Гадкой вороной, случайно затесавшейся в стаю прекрасных лебедей.

— Ли Чжи! — окликнули его со спины.

Он повернулся. Гун Цзе превзошла саму себя: эффектный, но элегантный макияж, открытые плечи в лавандовом атласе вечернего платья, а на шее переливалось тонкое бриллиантовое кольцо, притягивающее взгляды.

— Ты пришел! Ура!

— До начала остались считанные минуты, мне уже пора за кулисы готовиться к выходу. Пойдем скорее, я покажу твое место!

С этими словами она подхватила его под локоть и увлекла за собой сквозь толпу. Ли Чжи оставалось только поражаться, как ловко и быстро она лавирует между гостями на тонких шпильках.

Тесные брюки немилосердно тянули, мешая нормально шагать, так что на ходу Ли Чжи попытался незаметно поправить пояс. Он буквально на секунду опустил взгляд — и тут же лоб пронзила тупая боль. Юноша со всего маху налетел на кого-то грудью.

— Про... простите, ради бога! — поспешно забормотал он, задирая голову.

Но едва он разглядел того, с кем столкнулся, извинения замерли на его губах.

В этот самый миг в зале погас свет. Наступила секундная тишина, а затем — раз, два, три! — под сводами вспыхнули софиты. Десятки ярких лучей прорезали темноту, сходясь в центре зала, и один из них, самый плотный и ослепительно-белый, выхватил из темноты две застывшие фигуры: Ли Чжи и Чу Минчжана.

Резкая вспышка на мгновение ослепила Ли Чжи, превратив стоящего перед ним человека в темный силуэт с сияющим ореолом вокруг головы. Но расстояние между ними было настолько ничтожным, что он отчетливо уловил знакомый шлейф парфюма — тонкий, благородный аромат морозной хвои и благородного кедра.

Этот запах, словно невидимая и властная рука, мгновенно увлек его обратно, в пучину знакомого навязчивого сновидения. Гудящая толпа, звон бокалов, приглушенный смех — весь этот многоголосый хаос вокруг него внезапно затих, уступив место одному-единственному звуку. Ли Чжи отчетливо слышал, как в груди глухо и тяжело бьется его собственное сердце.

Тук. Тук. Тук.

Тук. Тук.

— Личжи! — звонкий голос Гун Цзе безжалостно разрушил наваждение. — Ты чего завис?

Ли Чжи растерянно моргнул. Пространство перед ним пустовало — Чу Минчжана уже и след простыл.

Гун Цзе указала на свободное кресло неподалеку:

— Твое место вон там, садись скорее! А мне пора бежать за сцену, сейчас наш выход.

Ли Чжи кивнул в ответ. Когда гости наконец расселись по местам и шум утих, свет в зале снова погас, погрузив в полную темноту. Спустя мгновение мягкие софиты залили сцену теплым золотистым сиянием, объявляя о начале вечера. Из динамиков раздался звучный голос конференсье:

— Открывает нашу программу «Венгерский танец номер пять» Иоганнеса Брамса!

<http://bllate.org/book/20441/2132193>